

В КОНЦЕ НОМЕРА

МЫ ЕХАЛИ по центральным московским улицам. Сначала по Неглинке, после по Цветному бульвару... Прохожие показывали на нас пальцем. У светофоров водители соседних машин, опустив стекла, высовывались, что-то нам кричали и крутили пальцем у виска. На глазах Юрия Горного, сидевшего за рулем, была черная широкая, в поллица, повязка.

Я держал руку у него на плече, и он меня уверял, что чувствует дорогу благодаря идеомоторике (неосознанным движениям моей руки). Мне, однако, не очень в это верилось: на плечах у него была толстенная джинсовая куртка-роба, вряд ли через нее можно было что-нибудь ощутить. Истинную механику этого трюка он почему-то не хотел мне раскрыть, хотя в другие посещения довольно охотно.

На одном из переулков его заметил гашишник. Несколько секунд смотрел оторопело, после бешено засвистел и бросился к «Жигулям» с синей полосой. Юрий сдернул повязку и продолжал езду как ни в чем не бывало. Гашишник догнал нас и велел остановиться.

— Вы что, с ума сошли?
— А в чем дело, лейтенант?
— Как в чем? Что за эксперименты такие? Вам что, жить надоело? Юрий стал уверять его, что повязка ему померещилась. И в довершение в качестве решающего аргумента предложил самому завязать себе глаза и проехать хотя бы метров десять по заперуженной машинами улице. Простым логическим умозаключением гашишник пришел к выводу, что это в самом деле невозможно, и, козырнув, отпустил нас.

— Чего ты не выдашь это за телепатию? — спросил я Горного. — Или за ясновидение? Или за общение с космическими духами? А что — вот вам доказательство космической телепатической навигации: некие инопланетные существа подсказывают Горному дорогу. Над городом висит летающая тарелка и координирует все его действия. Кстати, сейчас же найдется куча свидетелей, что на днях тарелка действительно приземлилась на Трубовой площади. И следы остались — вмятины на асфальте.

Горный пожал плечами.
— Зачем мне это нужно?
— Как же! По нынешним-то временам! Представляешь, сколько будет восторженного визга! Какай сразу известности! Разве сравнить ее с твоей нынешней? Сразу — рыцарь Мальтийского и Тевтонского ордена. Почетный член всех, какие только ни есть в мире, парапсихологических обществ и академий. Интересно в газетах. Оздоровительные сеансы по Центральному телевидению сразу после программы «Время» (уж если ты едешь по городу с завязанными глазами, набор целительно-утешительных слов, я полагаю, как-нибудь сможешь пробормотать; или уверить простаков, что зарядкаешь энергией кремы и джемы...).

— Мне это не нужно.
У всякого артиста оригинального жанра, как называли их еще недавно, есть два пути: либо честно зарабатывать хлеб своими трюками, либо морочить гражданам голову, выдавая трюки за чудеса. Второй путь соблазнительнее, ибо чудеса граждане предпочитают трюкам. Многие по этому пути пошли и преуспевают, обласканные меценатами и глупой прессой.

— Сколько ты зарабатываешь?
— Не знаю... Это трудно сказать... Но больше, чем журналист.
— Не сомневаюсь. Тысячи полторы-две на круг выходит?
— Думаю, да.
— А кудесники-чудесники? Знахари-лекари? Телепаты-ясновидцы?
— О! Там совсем другие цифры.

МЫ СИДИМ с ним в его маленькой студии на Петровке. Он протягивает мне купюру. Четвертной. Я ошупываю ее так и этак. Сгибаю. Гляжу на просвет. Ничего особенного, купюра как купюра.

Он кладет ее на стол и начинает совершать над ней манипуляции ладонями. Неожиданно купюра встает на попа и замораживает в таком положении.

— Магнит?
Он качает головой отрицательно и приглашает меня взглянуть под крышку стола. Я ничего не вижу.
— Да ты присмотришься внимательно.
Наконец я различаю тоненькую нитку, конец которой прилеплен к столу крохотным пластилиновым шариком. Другой конец Горный наматывает на палец, после чего поддевает ниткой купюру. Детский фокус.

— А ты думаешь, тот, кто дурачит публику по-настоящему, придумывает что-то более сложное?

Представление продолжается. Горный распечатывает пачку «Явы» и вытряхивает на стол несколько сигарет. Подносит к ним с двух сторон раскрытые ладони и, держа руки сантиметрах в двадцати-тридцати от сигарет, начинает катать их по столу из стороны в сторону.

— Вот тебе снова телекинез! Видишь, какое биополе...
— А теперь давай ты попробуй, — говорит он мне, вдоволь натешившись телекинетическими забавами.

У меня ничего не получается.
— Да-а-а, у тебя биополе слабоватое. Тренировать надо...
— Хватит дурака валять. На этот раз — магнит?
Он кивает согласно и вытаскивает из-за пояса из-под рубашки мощный металлический диск. Водя руками, он одновременно совершал движения торсом. И, в свою очередь, потрошу одну из сигарет: по всей ее длине идет металлический стержень-сердечник.

— Но ты ведь новую пачку распечатал.
Он смотрит на меня как на идиота. То же самое он проделывает с помощью воздушных струй (под рубашкой на этот раз спрятана пустая грелка, от

нее через рукава протянуты тоненькие металлические планки) при посредстве хитроумно устроенных в комнате сквозняков, опять же жидких ниток...

— Видишь, сколько способов неопровержимо доказать, что телекинез как физическое явление доподлинно существует. Академии наук остается лишь подтвердить это.

ПО ТЕЛЕВИЗОРУ у нас любят показывать то там, то здесь всплывающих феноменальных детишек, к рукам которых под действием каких-то неведомых сил прилипают различные предметы. Берет такой мальчик или девочка тарелку, ставит ее на ладонь и начинает ладонь наклонять. Наклоняет не совсем до вертикального положения, но все же до такого, что тарелка вроде бы должна соскользнуть. А она не соскальзывает. Телезрители в восторге. Пишут на телевидение письма.

— Вот смотри, — говорит Горный.
Он распаковывает рубашку и начинает приставлять к голой груди столовые ложки из подарочного набора. Все шесть штук послушно на ней держатся, точно ветеранские медали.

— Клей?
— Какой? Клей? Тело всегда немного влажное, ложки прилипают сами собой. Люди просто не обращают на это внимания, потому удивляются, когда им это показывают.

Далее следует более сложное. Берется огромное фарфоровое блюдо и приставляется к ладони. При этом ладонь держится не под углом, как в телевизионных сенсационных кадрах, а почти вертикально.

— Попробуй-ка отделить.
Я отдираю ее без труда.
— Ну, здесь-то клей?
— Здесь клей. Капелька клея.
Он показывает мне маленький заморский трюбик. Наши соотечественники не знают о существовании таких клеев, а потому неумеренно восторгаются при виде тарелок и сковородок, прилипающих к ладоням под действием неведомых потусторонних сил.

ТЕПЕРЬ пример телепатии. Горный предлагает мне загадать какой-нибудь из предметов, находящихся в комнате, а после вслух перечислить с десятком вещей, в том числе и загаданную. Я загадываю компас и перечисляю. Он называет мне номер телефона, просит позвонить, спросить Олега Сидорова, объяснить ему, в чем дело, и тот назовет мне загаданную вещь. Я так и делаю. Незнакомый голос сообщает: «Вы загадали компас».

— Вот видишь, твои мысли передались мне, а мои — Олегу Сидорову...
Тот же простенький фокус: все вещи в комнате закодированы цифрами — у каждой свой номер; этому же номеру соответствует определенное имя и фамилия, компасу — Олег Сидоров; угадав, какое слово я загадал, Горный через меня передает соответствующую информацию своему помощнику, сидящему у телефона.

Так что можете в компании поразвлечься этим трюком, показав свои телепатические способности.
Пустячок, правда: надо запомнить номера окружающих вас предметов. Сколько их? Десятки? Сотни? Это зависит от вашей любви к вещам. Как говаривали в недавние времена, от нашей склонности к вещизму. Ну и, естественно, надо запомнить, какое имя и фамилия под каким номером идут.
Главный же пустячок: надо все-таки отгадать, какой предмет задумал ваш партнер. Горный определяет это по едва заметному изменению интонации, мимики в момент, когда произносится искомое слово. Примерно так, как это делает многоразовый руганный у нас детектор лжи. Попробуйте, может, и у вас получится.

БОЛГАРСКОЙ старушке Ванге Горный относится без одобрения.

— У нас в Талды-Кургане тоже был такой ясновидец и пророчатель. Тот же слепой. Кстати, многим помогал. А что? Поражает человека, когда попадает он к этому дяде Ване на прием, тот видит его впервые и говорит: «Да-а-а, жизнь у вас тяжелая была. Сначала все было хорошо, а потом тесть вам все испортил. Кстати, по моему, у него два ребра были сломаны — он стог метал и на него вилы сверху свалились...» Человек потрясен знанием таких подробностей, он уже не помнит, что не далее как полчаса назад ехал на такси и все это сам таксисту рассказывал — и про тестя, и про вилы... Так и Ванга. Вы посмотрите, что она говорит пациентам: несколько конкретных штрихов, касающихся данного пациента, и — общие рассуждения, которые можно к любому отнести, еще немного конкретности и опять общие разглагольствования...

Горный сам занимается прорицательством. Он умеет предсказывать будущее. Я задаю ему вопрос, наиболее трудный для оракула:
— Слушай, будем мы когда-нибудь жить по-человечески? Или эта страна навсегда останется полигоном для идиотских экспериментов, выдаваемых за высшие достижения человеческой мысли?

— На этот вопрос сам господь бог тебе не ответит. А я предскажу тебе другое — что через несколько минут ты возьмешь вон там в шкафу книгу и раскрошишь ее на некоей вдохновляющей фразе, которую я сейчас напишу... — он пишет что-то на бумаге, сует ее в конверт и кладет на стол рядом со мной. — Иди бери любую книгу, какая тебе нравится...
— Иди и беру.

Открыл любую страницу от пятидесятой до сотой... Прибавь к номеру выбранной тобой страницы 75. Прибавь! Отбрось у полученного трехзначного числа первую цифру... Из задуманного числа вычти то, которое получилось... А теперь открой страницу,

номер которой соответствует результату, и прочти самое начало...

Я открываю и читаю: «Перестройка необратима. У нее нет разумных альтернатив». В конверте, разумеется, то же самое.

Как он это делает? Непостижимо! На поверку оказывается — тоже несложный фокус: одно число перекодируется в другое. Можете при случае позабавить им своих друзей.

Если, конечно, сумеете запомнить в каждой из сотен книг, стоящих в шкафу, начало хотя бы одной страницы. И ее номер.

Это первое. Второе — если знаете правила переноски чисел и владеете техникой быстрого счета.

Ну и, разумеется, если сумеете угадать задуманное нашим партнером число-страницу — от этого числа ведь и надо плясать.

Не испытывает он также восторга и перед всемирно известным трюком Ури Геллера.

— Геллер, — говорю я, — усилием воли остановил часы на Westminsterском дворце — знаменитый Биг Бен. А ты сможешь остановить куранты на Спасской башне?

— Смогу, если приспичит.

— Сколько это будет стоить?

— Он на секунду задумывается:

— Тысячи полторы.

— Та-а-а. Купить радио, подкупить часовых, заплатить помощнику, который, собственно говоря, и должен все сделать... Нет, побольше потянет.

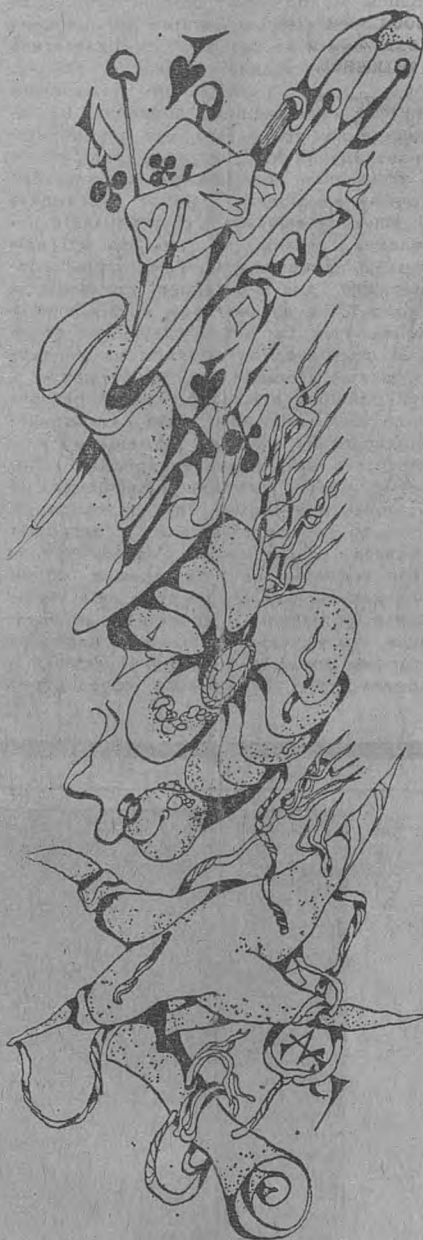
— Рацию можно одолжить у кого-нибудь. У милиции, например. Или вообще воспользоваться телефоном. Если в помощники взять кого-нибудь из тамошней obsługi, имеющей доступ в башню, часовых вообще не придется подкупать. Я думаю, Геллер шел именно таким путем.

— А как насчет сломанных часов телезрителей, которые вдруг начинают ходить по команде Ури Геллера?

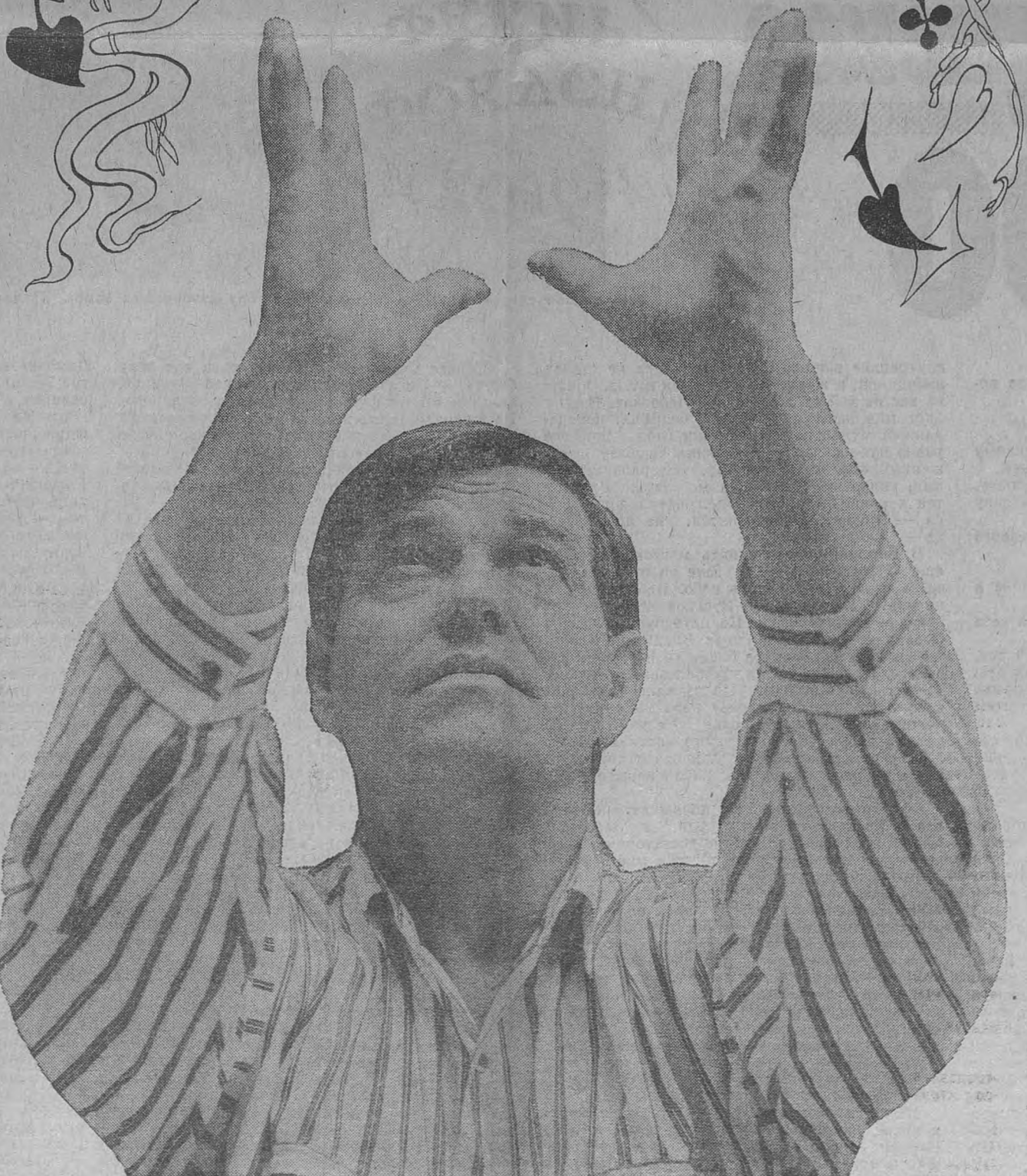
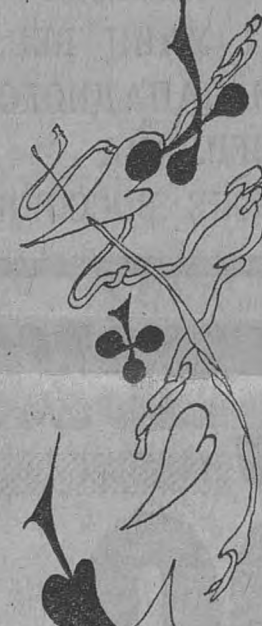
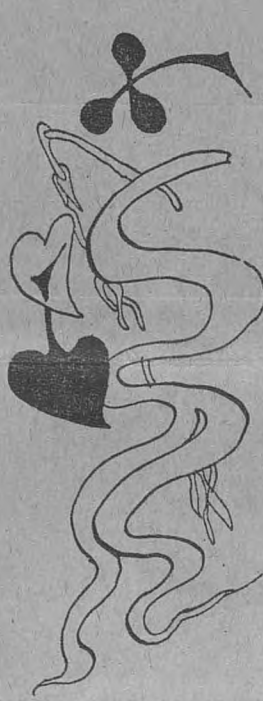
— Это и вовсе делается бесплатно. У кого-то часы лежали в холодном месте — смазка застыла. У других какой-то волосок попал меж шестеренок — он легко вытягивается... Поэтому когда Геллер велит взять часы в руки и завести, многие в самом деле начинают ходить.

В ОДНОЙ из школ произошло ЧП: на уроке географии прилежнейший и дисциплинированный ученик неожиданно встал со своего места, взял с чужой парты ручку, подошел к учителю, провел ему ручкой по носу, отошел и положил ручку опять-таки на чужую парту, только на другую, подальше от учительского стола. Что тут началось! Парня, естественно, выгнали с урока. Вызов родителей. Обсуждение на пе-

Олег МОРОЗ

ПСИХОЛОГ?
ФОКУСНИК?
ФАКИР?

ных номеров (тот подошел к нему после одного выступления). Учитель, фанатический поклонник экстрасенсов, стал доказывать Горному, что тот не использует в своей программе гипноз просто потому, что не владеет им.

— Хорошо, и вам докажу, что я им вполне владею, — сказал Горный.

Долго рассказывать, как он нашел подходящего — гипнотического — ученика этого самого учителя, как внушил ему, что через неделю, в пятницу, на таком-то уроке он должен сделать то-то и то-то. Это был не просто гипноз, а одна из высших его форм — так называемый отсроченный гипноз, когда человек как бы спонтанно, а на самом деле по звонку заведенных гипнотизером биологических часов впадает в транс, выполняет заданную ему программу и сам не через некоторое время выходит из него.

В своих же астральных номерах Горный гипноз действительно не использует.

КАК-ТО Горный мне позвонил встревоженный:

— Слушай, они меня все-таки достали. Зря я над ними потешался.

— Кто они?

— Ну, эти ребята... Барабашки... Полтергейст этот... Присажай, посмотришь.

Я пришел. В студии стоял немилый кавардан. Опрокинутая мебель, сброшенные с полок книги, битая посуда, холодильник валяется на бок, содержимое его — на полу...

— Уже час черт-то что творится... — говорил Горный. — Все падает, все летает. Как думаешь, может, в милицию позвонить?

Мы присели на стулья с двух сторон Т-образного, как у начальника, стола. В этот момент где-то в стене под потолком начался какой-то стук.

— Ты слышишь?

Этап, висевший неподалеку от меня, сорвался с гвоздя и полетел на меня, целясь, как мне показалось, прямо мне в лоб. Насилу я увернулся.

— Ага! Что я тебе говорил! — торжествующе воскликнул Горный.

Ни с того ни с сего с грохотом повалился стул, стоявший поодаль от нас. Он был единственным, что еще стоял на своих четырех ногах, если не считать тех, на которых сидели мы.

Все эти падения и перелеты различных предметов, сопровождаемые торжествующим стуком, продолжались еще какое-то время. После все затихло.

— Устал, должно быть.
Эти слова, видимо, привели домового в ярость. Если раньше был стук, то сейчас начался неистовый грохот. На пол полетели остальные картинки в

— Слушай, давай с ними попробуем договориться...

В стене раздались предупреждающий удар.

— Тсс-с-с... — Горный поднес палец ко рту. — Задумай какое-нибудь двузначное число и попроси Барабашку его отгадать. Повторяй про себя: «Барабашка, Барабашка, отгадай, какое число я задумал». Может, это развлечет его, он смягчится...

Я задумываю число 49 и обращаюсь к домовому с молитвой. Через некоторое время раздаются четыре удара и — после паузы — девять.

— Сорок девять? Да? — шепотом спрашивает Горный. — Давай еще...

Я загадываю 37 и снова принимаюсь шептать. Постепенно, однако, во мне начинает расти смутное подозрение. Как уже говорилось, угадывание чисел — коронный трюк самого Горного, домовый тут вроде бы ни при чем...

— Разыгрываешь? Да?

Поломавшись некоторое время для приличия, Горный признается в розыгрыше. Мы хотим. Он мне показывает незаметные для глаза зацепки и нити, с помощью которых он устраивал все падения и перелеты.

— Часа два пришлось повозиться.

— А как же холодильник? — спрашиваю я, давась от смеха. — Тоже... с помощью нитки?

— Нет, — отвечает Горный рассерженно, оглядывая разгром, парящий повсюду. — Холодильник пришлось по-простому, плечиком. Я и подстылку там положил, чтоб не поцарапался чей-то добрый. Вот покажу все еще кое-кому и скажу жене, чтоб убираться начинала. А уж вы распишите, будьте добры. Все как есть. Только без ниток. Нитки нынче не в моде.

Да, нитки нынче не в моде. Но я, как видите, рассказал и про них. Осталось сказать два слова про загадочный стук в стене. Он делается при помощи бессмертного романа Анатолия Иванова «Вечный зов».

Это настоящая книга Юрия Горного. Собственно говоря, романа как такового нет, есть только обложка. Даже не обложка, а металлический футляр. Прежде некие остроумцы держали в нем водку, когда по какой-то причине в бутылке держало было несподручно, а жандарм, естественно, никуда не девался, продолжала иметь место. Так сказать, вечный зов, преследующий российского человека. После подарил этот вечный зовущий футляр Горному. Тот приспособил его для дела. Положил в футляр гайку, привязал к ней невидимую нить. Если за нее дергать, начинается немилый грохот, Полтергейст в натуральном виде.

В СЕ ЭТИ описанные здесь трюки для Горного благовество, хобби.

Это арифметика начальных классов рядом с высшей математикой психологических опытов, которые он делает на сцене. Он находит человека или предмет, задуманные кем-то в зрительном зале, угадывает точную дату рождения, задуманные числа, географические пункты, имена выдающихся личностей. Демонстрирует фантастический счет — сложение, вычитание, умножение, деление, возведение в любую степень, извлечение корня любой степени из любого числа, мгновенный подсчет количества букв в только что прочитанном тексте. Запоминает огромное число цифр, слов, телефонных номеров, шахматных позиций. Постранично цитирует энциклопедический словарь, в котором, как известно, полторы тысячи страниц микроскопического шрифта, и т. д., и т. п. Два с лишним десятка его номеров никак не повторены в мире.

Однако в нашем несчастном большом обществе, где все вывернуто назнанку, поставлено с ног на голову, те пустяковые фокусы, о которых шла речь выше, привлекают несравненно большее внимание почтенной публики, нежели действительно феноменальные достижения, которые демонстрирует Горный на своих выступлениях. Правда, при условии, что эти простенькие трюки снабжаются мистическим толкованием.

Одну из своих программ Горный назвал «Твои возможности, человек» в наивной надежде, что люди, посмотрев, на что способен артист, сами захотят научиться чему-то подобному, развить память, наблюдательность, аналитические способности — то, на чем, собственно говоря, и основаны все телепатические, ясновидческие, прорицательские и прочие номера Горного. Увы, увы... Мало кто возгорается таким желанием.

Впрочем, не будем слишком суровы к нашим соотечественникам. Наверное, в духовной жизни общества должен быть некий баланс между рациональным и иррациональным, материалистическим и мистическим... Много лет у нас этот баланс был нарушен, коромысло весов было круто наклонено в сторону материалистического плеча. Человек был напроцех лишен мистики, таинства, которое — это по всему видно — ему по какой-то причине совершенно необходимо. Теперь положение выправляется. Но вот беда: никто не знает, как и в каких формах утолять эту исконную человеческую потребность. В результате ее, точно мухи, облепили шарлатаны. Памятуя о былом монопольном господстве науки, они маскируют мистику под науку, создавая несдобную мешанину, род лысенковщины. Парадокс ведь не правда ли: мощный реңид лысенковщины, которому мы все сегодня свидетели, — на фоне нынешнего очевидного просветления общественного сознания. Что делать, это ведь как в поле: землю дают, а брать некому. Берет кто пополам.

Не знаю рецептов, как исправить положение. Не хочу притворяться, будто они у меня есть. Единственная надежда, что по мере обретения обществом духовного здоровья все будет становиться на свои места: где наука, где мистика, где фокусы, где психологические опыты...

Что ж, постараемся дожить до этого времени.